

**Цикл
Виктора Мишина**

СОЛДАТ

**Солдат
Превратности судьбы**

Виктор Мишин

**ПРЕВРАТНОСТИ
СУДЬБЫ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 128

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М17 Мишин, Виктор

Превратности судьбы / Виктор Мишин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-107438-8

После первых и жестоких боев в самой значительной битве Великой отечественной войны Александр Иванов заканчивает восстановление в госпитале. Судьба дала ему шанс, и он не погиб в страшном водовороте событий, но на фронт возвращается несколько иной человек.

Сталинградская битва на исходе, но приключения находят его везде. Измена командира, преступление, наказание, все это заставляет сержанта Красной Армии изменить свое отношение к месту и времени своего пребывания.

Александр уже не испытывает того первого и жгучего желания убивать врага. Пытаясь найти себя, герой попадает в новые передраги на полях сражений. После одной из которых его судьба вновь переворачивает все с ног на голову. И вот Александр уже там, где на первый взгляд войны вроде как и нет, но солдат, он везде — СОЛДАТ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Виктор Мишин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107438-8

Интересно, если приходишь в сознание, а перед тобой белый потолок, это хорошо или плохо? Минут пять уже разглядываю белый, с небольшими желтыми разводами потолок.

«Госпиталь, что ли? Вряд ли в земле будет так светло». — Пазлы в голове начинают помаленьку собираться вместе, образуя что-то цельное.

Было что-то плохое, это я помню. Танк выстрелил в мою сторону. Вроде не помер пока, помню, как слышал голоса людей, что откапывали меня, значит, откопали все же. Черт, а ведь сглазили меня тогда товарищи командиры. Как чувствовал, не хотел высовываться, рисоваться, прятался, сколько мог, даже сбитый самолет другому парню «подарил», а его убили почти сразу. Там, в городе на Волге, меня наградили медалью «За отвагу», а после этого удача взяла и отвернулась. Лежу вот сейчас, даже дышу и то с трудом. Куда меня ранило-то? Вроде фашистский снайпер мне ногу прострелил, а потом... Потом был танк. При воспоминании что-то защемило в груди. Попытался перевернуться на бок, внутри что-то рвануло и опять потемнело в глазах.

— Товарищ ранбольной! Вы зачем с койки слезаете? — донесся до меня голосок санитарки.

Подняв глаза, исподлобья смотрю на молодую девушку в белом халате и маске на лице. Как догадался, что молодая? Так глаза-то не скроешь...

— Кольнуло что-то, вот и скрючился, никуда не собирался, — тихо ответил я. Во-первых, в палате было тихо, кто-то даже спал на койке возле окна. Во-вторых, сил не было вообще, даже говорить пришлось через силу. Впервые у меня такое чудо, даже струхнул немного. Теперь в полной мере ощутил, что значит выражение «Выбился из сил». Поднимаешь руку, а кажется, что в ней гиря лежит. Хочешь сжать кулак, а он, зараза, не сжимается.

— У вас тяжелое ранение, вы несколько суток без сознания, но Александр Григорьевич говорит, что организм сильный, у вас хорошо заживают раны. Поправитесь, только не нужно делать резких движений.

— Красавица, а, что у меня за ранение такое, я только в ногу помню.

— Осколочное, в грудную клетку справа. Говорят, в вас танк выстрелил, но вы живы.

— Красавица, — продолжал я заигрывать, правда сильным голосом выходит с трудом, — а где я вообще? — Меня интересовало, куда меня увезли.

— Недалеко от Сталинграда, Александр Григорьевич говорил, что в госпиталь вас повезут, только когда состояние станет стабильным.

— Ясно, — подвел итог я, — а как вас зовут, сестричка?

— Машей, ой, — вскрикнула девушка, когда внезапно распахнулась дверь. — Александр Григорьевич, он в себя пришел!

— Вижу, Маша, вижу. Иди, я позову, — врач какой-то чересчур серьезный.

— Здравствуйте, товарищ военврач...

— Военврач второго ранга Колокольцев, — как-то резковато произнес доктор.

— Сержант Иванов, скажите, товарищ военврач второго ранга, правда, что меня куда-то везти хотят? — Не хотелось бы уезжать далеко.

— Как только исчезнет непосредственная угроза жизни, сразу отправят дальше в тыл.

— А может, я здесь как-нибудь поправлюсь, зачем меня куда-то еще везти?

— Приказ комдива тринадцатой гвардейской: обеспечить наилучший уход и сделать все возможное для полного выздоровления. — Мне как-то сразу стало неудобно. К чему такое внимание? — А вы, я вижу, время не теряете, только очнулись, сразу к сестричкам приставать...

— Доктор, то-то я гляжу, вы как-то зло на меня смотрите. Простите ради бога, просто уж такая привычка, разговаривать с девушками вежливо. Извините еще раз, дурного в голове точно не было. — Ясно, врач на девчущку глаз положил, а тут я со своими любезностями.

— Это вы меня извините, если я был слишком груб, — пошел на попятную врач, — Маша — моя супруга, а здесь, в госпитале, очень много мужчин... — Вон в чем дело-то!

— Я все понял, доктор, проблем с моей стороны не будет! — твердо заявил я врачу, несмотря на мой сиплый голос. Доктору-то лет сорок, а девчущке едва двадцать, переживает, солдаты-то в основном

молодые парни. Но у меня характер другой, никогда не стану отбивать чужую жену, так воспитан. — Доктор, что у меня с ранением не так? — перевел я разговор в подходящее русло.

— У вас осколок небольшой в легком. Два мы достали, они близко сидели, а вот один остался. Уж извините, опыта моего не хватает провести такую операцию. Кстати, если бы не стальной портсигар, что у вас в кармане был, мы бы не разговаривали, — доктор явно смягчился.

— Что, так глубоко залез, зараза? — интересуюсь я, пытаюсь через бинты рассмотреть хоть что-то на груди.

— Да уж. Вошел ниже ключицы и попал в легкое. А два других, видимо, пробив портсигар, потеряли свое убийственное воздействие и лишь немного углубились, не достав до жизненно важных органов. Как у вас, болит? Что чувствуете?

— Чувствую, как в груди колет и режет, я думал, что это сердце...

— Скорее всего, все же осколок беспокоит. Времени прошло мало, он еще не оброс тканями, возможно, шевелится и причиняет вам боль, — заключил врач. — Мы и не перевозили вас исключительно потому, что боялись за последствия. Теперь же, после того как вы очнулись, я уверен, что дорогу выдержите.

— Дорогу осилит идущий? — с улыбкой произнес я, взглянув на врача.

Тот машинально кивнул, но тут же сменил тему:

— Вас сюда на руках принесли, что же вы за сержант такой, если целый комдив за вас беспокоится? — Мне стало неловко.

— Да обычный сержант. Представления не имею, чем обязан такому отношению к своей скромной персоне. — Черт, лежу тут чуть живой, а все равно хохмить хочется. Поговорив с врачом еще минут пять, остался вновь в одиночестве. Доктор сослался на занятость и ушел, обещав осмотреть через пару часов. Прикрыв глаза, я вдруг задумался. Мысли, кстати говоря, были далеки от веселых. Я вдруг осознал, что мне страшно. Страшно не погибнуть, а умереть вот так, в госпитале, а не в бою. Когда только сюда провалился, сразу почему-то настроился на то, что погибну, вряд ли смогу протянуть в такой бойне долго. А теперь вот испугался наконец. Только сейчас, лежа тут практически без движения, подумал, что хочется еще пожить. Очень интересно было бы пожить в этом Великом времени. Посмотреть на мирную жизнь, сделать что-то важное и нужное. Знаю, что после войны будет очень тяжело в стране, но... интересно же! А страх появился. Это ведь в кино только солдаты ждут и весело обсуждают, как Берлин брать будут. На деле не видел в Сталинграде ни одного бойца, что думал хотя бы о победе в городе, не то что о Берлине мечтал. Самая распространенная мечта: дожить до завтра.

Утром, дав мне, кстати, выспаться, пришел врач. Не перетаскивая меня куда-либо, устроил экзекуцию под названием осмотр и перевязка. Орал я сильно и долго, зато хоть на чуть-чуть, на самую малость осознал, через что прошли деды. Тяжко мне, но я вытерплю, во-первых, а куда деваться? А вот во-вторых, другие-то терпят, и похлеще раны бывают. У меня-то так, тяжелое, конечно, но не настолько, чтобы

умирать тут, причитая о боли. Вообще, я с детства легче воспринимал боль сильную, чем, скажем, какую-то слабую и ноющую. Легко переношу лечение зубов, удаление, боли при пульпите, когда рот не закрыть, но крайне хреново мне, когда зуб просто ноет, только заболел. Помню, как-то в детстве стекло упало на запястье, стою как дурак, разглядываю белые сухожилия, а боли не чувствую. Друг рядом стоял, смотрю, аж весь позеленел, а мне интересно стало, разглядываю, только пальцы грязные туда не сую. Меня тогда мать друга осмотрела, медсестрой в больнице работала, говорила, что нужно обязательно в травмпункт и зашивать, а я стрептоцида насыпал на ранку, бинтиком махнул и опять шляться побежал. Все заживало всегда как на собаке. В то же время маюсь с детства спиной. У меня вообще лет с семнадцати есть только две стадии боли в спине, либо она такая сильная, что мне вставать-то тяжело, либо слабая, которую почти не замечаю. Такого, чтобы она вообще не болела, просто не бывало. Вот и здесь, чувствую, как нога горит, там явно что-то не в порядке, чистить сейчас будут, а вот в груди, где вроде бы ранение серьезней было, боли почти не чувствую. Болеть-то болит, но как-то не думаю об этом. Тем временем доктор приступил к ноге. Больно было, ни в сказке сказать, ни перфоратором выдолбить. Мать его, этого коновала, он там, похоже, мне всю ногу распахал от колена до паха, копается там, как Дед Мороз в мешке с подарками. Не выдерживаю:

— Док, ну дай ты мне по башке чем-нибудь, нет сил уже терпеть...

— Так не терпи, вырубайся, чего сопротивляешься? — этот гадский эскулап еще и смеяться изволит. Представив, что там внутри раны и как туда лезут руки врача, наконец, вырубился.

Не знаю, сколько я так провалялся, но очухался с чувством, что ноги у меня уже нет. От боли в груди опять скрутило, когда попытался поднять голову, чтобы рассмотреть ноги. Собрав, казалось, остатки силы и воли, все-таки смог приподнять голову и посмотреть. Фу-у-у! На месте мои долбаные заготовки. Почему же я не чую ногу?

— Боец, ты чего, выпрыгнуть из койки собрался? — раздалось от двери.

— Док, что с ногой? — шепотом, голоса почему-то не было, спросил я.

— Вот как орал-то, аж голос сорвал, — издевается врач, — да на месте нога, почистили как следует, онемела, что ли?

— Не чувствую!

— Подожди, часа еще не прошло, отойдет. Перетянули чересчур сильно, но ничего, все в порядке будет. Грудь как, говорить больно? Кашляешь?

— Нет, не кашляю, а когда говорю, что-то как будто мешает немного, вот тут, — я указал рукой на центр груди, ближе к горлу.

— Возможно, слизь скопилась, кровяные сгустки, выхаркаешь позже, оно, когда к горлу подходит, хорошо вылетает!

Лучше бы он этого не говорил. Еще не дослушав, меня обильно вырвало прямо на него, стоял-то врач склонившись надо мной.

— Черт, ну зачем же сразу блевать-то было? — выругался доктор и убежал, весь в моей б... В общем,

в том, что у меня стояло в глотке или в бронхах, хрен поймешь. Во рту помойка, но чую, что стало легче. На смену доктору примчалась санитарка. Притащив с собой какое-то белье, принялась меня обихаживать. Толково действует тетка, просто умница, пока ворочала меня, даже не пикнул, почти не больно было. Как-то она все аккуратнo так делает, вроде быстро, но меня почти не тревожит.

Держали меня в этой лечебнице четыре дня, а на пятый появился конвой, тьфу ты, два рослых санитарра. Меня на носилках доставили к полуторке, увидев ее, мне опять стало плохо на душе.

Казалось, везли целую вечность, на самом деле всего часа два. Привезли на какую-то станцию, там пришлось прождать еще около трех часов, прежде чем подошел эшелон и меня, наконец, погрузили. Санитарный поезд двигался медленнее приснопамятной полуторки. Нас то и дело останавливали, загоняли на второстепенные пути и тупики, пропуская воинские эшелоны на фронт. Таким вот макаром в славный город Куйбышев мы прибыли только через три дня. Три дня в «санитарке» показались мне месяцем. Постоянные стоны и крики раненых бойцов сводили с ума. Сам-то я уже откричал свое, а тут... Кто-то потерял ногу и просто без остановки матерился на врачей за то, что они отпилили ему «здоровую» ногу, хотя сам тут же оговорился, что на мину наступил. Кому-то от близкого разрыва снаряда вышибло глаза, этот вообще рычал всю дорогу, монотонно, зло. Когда меня выносили, я уже хотел обратно на фронт, как представляю себе, что все это придет-

ся слушать в госпитале, да еще и неизвестно сколько, как-то и жить не хочется. Такие испытания ран-больных похлеще фронтовых будней будут. Первая же мысль, что проскользнула в голове уже на вторые сутки в поезде, была: «Лучше бы убило к чертям, чем вот так, как морковь, когда ее вытащили из гряды по осени. Лежит, а сделать ни фиги не может».

Все-таки какой-то из коммунистических богов или демонов вновь вступился за меня. Я попал в палату почти к таким же. Хоть и была та палата аж на двенадцать персон, но лежали в ней сплошь тихие. На второй день по приезду меня утащили на операцию. Мурыжили полдня, наверно. Какой-то древний, как экскременты мамонта, седой, с козлиной бородкой врач молчаливо изучал меня. Щупал, тыкал, мял, делал рентген, кивал сам себе и продолжал заново. Наконец, и сам седой мамонт утомился. Было принято обалденное решение не трогать осколок, оставшийся в моем теле, по крайней мере пока. Будут наблюдать, следить за тем, чтобы кусок немецкого железа не полез куда не надо. Сказали, что если вырастет в плоть, опутанный тканями, и не будет тревожить, то и не нужно делать такую сложную операцию, при которой я просто могу кончиться. Я принял это спокойно, ну а что? Если и правда зарастет, так и хрен с ним, дед у меня сорок лет прожил так же, с осколком в груди, тоже в легком застрял и вынимать не стали. Поэтому было все равно, лишь бы скорее встать на ноги. А вот с этим были проблемы. Нога почти не белела, но чувствительность не восстанавливалась. Надеюсь, все же через какое-то время вернется, совсем не хочется становиться инвалидом,

я на фронт хочу. Под самый Новый год я начал вставать. Нога по-прежнему мерзла и плохо слушалась, но все-таки была уже не той деревяшкой, с какой я сюда прибыл. Грудь оставили в покое, окончательно объявив, что трогать не будут, осколок сидит намертво и мне никак не мешает, он и был-то, судя по фоткам, ну, рентгеновским снимкам, конечно, с ногой величиной. Тридцать первого, к обеду, у нас был запланирован концерт. Я тут в местную филармонию поступил, ну, ансамбль в госпитале сколотили, нет, не с моей помощью, я все молчал в основном. Даже ругались со многими, им не нравилось, что я молчу. Один даже следаку местному настучал, представив меня шпионом. Особист даже поржал немного, когда вызывал к себе:

— Ну чего, шпиён, много вынюхал тут, в госпитале? — смеялся капитан госбезопасности.

— Ага, так нанюхался, что уже, наверное, нюх потеряю скоро.

— Э-э, нет, вот нюх терять не надо! — Вмиг сделавшись серьезным, капитан ГБ уточнил: — Я изучал твое дело, ты хороший боец, оказывается. А то, что молчун... Ну, так и специальность у тебя, гляжу, не самая разговорчивая. Я беседовал с врачами, вроде говорят, что дела у тебя идут хорошо, «списывать» тебя не собираются.

— Хоть одна хорошая новость за последний месяц, спасибо, товарищ капитан госбезопасности.

— Да ладно тебе. Ты скажи лучше, чего с бойцом не поделил, что он на тебя «телегу» мне настрочил?

— Не имею ни малейшего представления, товарищ капитан. Он частенько подходил, раньше все

пытался на разговор вытянуть, а мне как-то неинтересно было, чушь несет, если честно, вот я и молчал. Один раз, правда, сказал ему, чтобы не подходил больше, мне с ним не о чем разговаривать, вот, наверное, и взъелся на меня...

— А что за чушь нес? — живенько так заинтересовался капитан.

— Да я же говорю, фигню какую-то, поэтому меня даже не заинтересовало. Ведь когда неинтересно, то и не помнишь, о чем был разговор. Да и не было разговора-то, он один говорил.

— Ясно, но ты это, все равно... — чуть замялся следак, или он опер, не разберешь, — если чего-то вспомнишь случайно, расскажи, ладно?

— Без проблем, — твердо произнес я.

— У тебя тут в деле интересные цифры фигурируют. Это правда, что у тебя сто семь подтвержденных фашистов?

— Извините, товарищ капитан, я и не знаю, некогда мне считать-то было, командиры считали, они и писали. Думаю, если и ошиблись, то немного. Десятка два или три недосчитались...

— Чего-чего? — выпучил на меня глаза следак-опер.

— Ну, ведь не всегда же кто-то мог зафиксировать факт уничтожения противника, я иногда и в одиночку работал, а иногда в зачистках и штурмах участвовал, кто же там считать будет? Рот откроешь, а тебя уже съели. — Нет, ну а почему я должен был скрывать то, что я убил гораздо больше врагов, чем мне насчитали официально? И не выделяюсь ни грамма, просто правду говорить приятно, меня спросили, я ответил.